

М. Литовская

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА: ЖАНР ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВЕСТИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ В ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х гг.

Прямо сформулированная идеологическая потребность в детской литературе, формирующей в сознании молодого поколения единые представления об отечественной истории и закономерностях ее развития, рассказывающей о предпосылках возникновения советской страны, породила к жизни множество текстов об истории революционного движения, адаптированных для подростков. В советской литературе на пересечении авантюрной повести и историко-революционного романа сложился жанр историко-революционной подростковой повести, специфика которого рассматривается на примере повести Б. С. Ицына «Подростки».

Ключевые слова: литература и идеология, советская детская литература 1930-х гг., жанр, историко-революционная повесть, Б. С. Ицын.

С первых лет своего возникновения советская власть регулярно объявляла конкурсы на создание «исторических» текстов, «которые, будучи полноценными творениями искусства, составили бы цепь “исторических чтений” для многомиллионного советского читателя, для подрастающей молодежи» [Создадим, с. 1]. В число «молодежи» включались, конечно, подростки, которым были адресованы свои тексты об истории Советской страны. Выбор текстов, наиболее соответствующих воспитательным и образовательным задачам, затем их широкое распространение через систему переизданий и библиотечные рекомендации призваны были формировать в сознании молодого поколения единые представления об отечественной истории и закономерностях ее развития.

Общепринятая советская хронология истории Советской власти начиналась с Октябрьской революции 1917 г., но предыстория установления нового строя также широко освещалась, в том числе и в художественных текстах для детей. Этому было немало причин. Во-первых, истории из дореволюционного прошлого могли служить

и служили наглядной иллюстрацией того, как протекала классовая борьба и вызревала революционная ситуация. Во-вторых, они позволяли так же наглядно показать преимущества нового строя для тех слоев населения, что ранее находились внизу социальной лестницы (дети рабочих, кухаркины дети и т. п.). В-третьих, они формировали набор значимых имен и фактов, с которыми связывался советский вариант истории (Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., Николай Бауман, баррикады на Красной Пресне и т. п.). В-четвертых, они закрепляли основу популярного сюжета о росте самосознания и самовоспитания в процессе революционной работы, который, как предполагалось, мог служить образцом для читателя.

Жанры, предназначенные для повествования об истории, — исторические роман и повесть, были к тому времени в литературе хорошо разработаны, осмыслены и нуждались лишь в соответствующей адаптации¹. Поскольку центральным событием всемирной истории в ее советском варианте считалась Великая Октябрьская социалистическая революция, в СССР разрабатывается разновидность исторического романа (повести), отличительной чертой которой является вынесение в качестве сюжетной основы истории подготовки и проведения социальной революции. Эта разновидность получает в критике название историко-революционного романа (повести) и в дальнейшем воспринимается как неотъемлемая часть жанровой системы социалистического реализма [Оскоцкий 1980; Петров 1986].

Тема социалистической революции задавала не только материал текста, но и способы его изображения. Партийность литературы в тогдашнем смысле слова предписывала писателям транслировать знание, контуры которого были обозначены в Уставе Союза советских писателей как «правдивое, исторически конкретное изображение действительности в ее революционном развитии» [Первый Съезд, с. 712]. Центральные события историко-революционных романов и повестей связаны с разворачиванием революционной агитации и ростом классового революционного самосознания.

В основе фабулы — история нескольких людей на фоне развивающихся революционных событий. Персонажи, обычно связанные родством или местом жительства, размещаются таким образом, чтобы сделать наглядными социально-классовые противоречия дореволюционного мира, революционные преобразования представляются как жизненно необходимые, а свершение революции — как результат усилий положительных персонажей.

Являясь более, чем какие-либо другие, «государственными», и к тому же в известной степени обучающими жанрами, историко-революционные роман и повесть выполняли в обществе нормирующую функцию, показывали сходство процессов революционизации в разные времена и в разных точках социального пространства России. Главное достоинство этих жанров часть критики как раз видела в том, что авторов «не интересуют личные взаимоотношения героев, быт и нравы эпохи», а все внимание сосредоточивается «на передаче идейного содержания... движения» [Удонова 1961, с. 24]. Одним из направлений такого движения была идея символического выравнивания центра и периферии. Ее реализация, судя по всему, предполагала среди прочего создание единой для всего СССР истории нарастания революционных настроений в обществе, подчеркивающей общность процесса в центре и на местах. Для этого авторы соотносили жизнь вымышленных персонажей, живущих в разных регионах России, и события общероссийской истории, подчеркивая вовлеченность своих персонажей в общее политическое социал-демократическое движение.

Исторический материал, связанный с подготовкой и первыми этапами революции, начинают широко использовать в книгах для подростков, особенно в литературе 1930-х гг. после того, как на высшем писательском уровне резкой критике были подвергнуты «чудо-герои» и «красные дьяволята» периода Гражданской войны [Маршак 1990, с. 30], и героические поступки этого времени «закрепили» за взрослыми участниками. Время действия повестей сместилось, добавилось правдоподобных деталей в рассказы об участии молодых людей в значимых исторических событиях, но, поскольку у читателя-подростка сохраняется потребность в «фабульной книге», основанной на увлекательных «приключениях», в книгах сохраняется и элемент тайны, и большое количество опасных ситуаций, и неожиданность в развитии событий.

Писатели предлагают разные варианты подобных книг, и довольно быстро становится ясно, какие из них получают популярность у читателей. В ряд с «Белеет парус одинокий» В. Катаева (1936), «Марийкиным детством» Д. Бродской (1937), «Клашей Сапожковой» А. Голубевой (1938) и др. встала и книга уральского автора Б. С. Ицына² «Подростки» (1937).

Во всех подобных книгах есть общие черты. Это энергично развивающаяся фабула, созданная на пересечении традиционного романа воспитания, автобиографической и — в некоторых случа-

ях — школьной повести. Главными героями всегда являются молодые люди, биографически столкнувшиеся с революционными событиями и помимо своей воли вовлеченные в них. Постепенно они учатся понимать исторический смысл событий, которые наблюдают и в которых участвуют. Автобиографическая составляющая этих текстов «отвечает» за появление в них довольно развернутых картин жизни тех слоев населения дореволюционной России, которые хорошо известны автору. Подобные тексты встречали обычно благоприятный прием у подросткового читателя, удовлетворяя его потребности в увлекательном чтении. Пройдя цензуру и критику, эти повести также соответствовали официально предписанным представлениям о революционной предьстории.

Рассмотрим один из образцов этого жанра — повесть Б. Ицына «Подростки». Опубликованная в Челябинске в 1937 г., затем переизданная в 1939, она была популярна среди читателей и замечена современной критикой [Рахтанов 1938; Слепнев 1938]. По словам автора заметок о детской литературе Челябинска Н. А. Капитоновой, «пожилые люди сегодня вспоминают, как они любили эту книгу в детстве. Читателей притягивал яркий сюжет, подлинные события, живые характеры ребят, описания знакомых мест» [Капитонова 2007, с. 157]. Как это нередко происходит со многими популярными приключенческими книгами, читатели хотели узнать, что случится с героями дальше, и Б. С. Ицын стал писать продолжение — повесть «Совершеннолетние» с теми же, естественно, более взрослыми героями, но уже во время Гражданской войны на Урале [Ицын 1938; Ицын 1939]. Урал в повести рассматривается как один из российских регионов, где в соответствии с авторской (и государственной) концепцией истории происходит процесс революционализации населения.

Повесть рассказывает о «ватажке» из шести южноуральских подростков. Трое из них мальчики — дети рабочих из небольшого заводского поселка, трое — челябинские девочки-гимназистки. История их дружбы и совместной деятельности рассказана автором в соответствии с двойными правилами. С одной стороны, это типичная подростковая повесть о приключениях и отношениях группы сверстников: краткая предьстория героев, знакомство друг с другом, общие шалости и важные дела, испытания разного рода конфликтами, возникновение сердечных привязанностей и т. п. С другой — это повесть о росте революционного сознания на Южном Урале в период первой русской революции, развернутая по правилам социалистического реализма.

Мальчики из рабочих семей сперва случайно узнали о какой-то «сходке» (слово им неизвестно) и столкнулись с деятельностью таинственной «организации», постепенно выяснили, что это подпольная большевистская ячейка, узнали, кто входит в нее, завоевали их доверие, начали выполнять все более сложные поручения ячейки, привлекли к помощи своих приятельниц-гимназисток и после участия в стачке и столкновениях с полицией 1905 г. уже «чувствовали себя настоящими революционерами» [Ицын 1937, с. 170]. Завершается повесть (в соответствии с историческим фактом) поражением рабочего движения на заводе, вынужденным отъездом из поселка не только легализовавшихся лидеров подпольной революционной организации, но и одного из мальчиков — повзрослевшего Вальки Кошельникова. Но, хотя в последних строчках повести сообщается о подъезде к Челябинску «карательной экспедиции генерала Меллер-Закомельского» [Ицын 1937, с. 214], читатель, который знает о будущей победе большевиков, остается с надеждой, что дело, в котором принимали участие девочки и мальчики, будет успешно продолжено. Таким образом, важная для текста социалистического реализма опция — исторический оптимизм — оказывается учтенной.

Особенную напряженность рассказанной челябинским автором истории могло придать то обстоятельство, что мальчики и девочки принадлежат к разным социальным группам. Несколькими годами раньше вышел роман Н. Островского «Как закалялась сталь», где драматическая любовная история Павла Корчагина и Тони Тумановой играла в сюжете важную роль. Но, хотя в повести Б. Ицына немало говорится о межклассовых конфликтах «народа» и «хозяев», отношения между подростками омрачаются только мелкими недоразумениями. Девочки-гимназистки, хоть и ходят регулярно в школу, сытно едят, красиво одеваются, живут с прислугой и т. п., демократически настроены и охотно приходят на выручку своим приятелям-рабочим, когда надо расклеить листовки, покараулить маевку или перенести детали для взрывных устройств. Те же, в свою очередь, помогают им отомстить злой директрисе и нелюбимым учительницам, рисуя и распространяя листовки, разъясняющие истинное положение дел в женской гимназии.

Так же легко и позитивно решается потенциальный возрастной конфликт. Двенадцати-тринадцатилетние герои, которых в начале повести неоднократно именуют «несмышленишками» [Ицын 1937,

с. 13], «путаниками» [Ицын 1937, с. 9] и сначала очень осторожно, проверяя каждый шаг, большевики просят исполнять несложные курьерские поручения, необычайно быстро взрослеют, получают оружие, наряду со старшими товарищами участвуют в стачке и подобных протестных акциях. В повести это объясняется нехваткой людей в революционной организации и социальным положением мальчиков, которые один за другим вынуждены оставлять учебу в школе, чтобы помогать взрослым содержать семью, но в любом случае младшие под благотворным влиянием старших быстро и легко осваивают и науку конспирации, и азы политграмоты. Хотя на каждой новой ступени посвящения герои обязательно совершают какой-нибудь «мальчишеский», то есть неразумный, проступок (самостоятельно берутся расклеивать листовки, рассказывают своим приятельницам о деятельности подпольной организации, стреляют на кладбище, чтобы попробовать оружие»), за ним следует лишь очередное разъяснение старшего товарища («А вы понимаете да помалкивайте» [Ицын 1937, с. 16]; «Если хотите быть настоящими помощниками, исполняйте то, что поручит вам организация» [Ицын 1937, с. 115] и т. п.) и никакого наказания ни со стороны людей, которых они подводят, ни со стороны обстоятельств, которые автор неизменно делает благоприятными для юных героев.

В результате (остальные конфликты в повести решаются подобным же образом) в повести Б. Ицына на первый план выходит приключенческая составляющая: обаятельные умные энергичные предприимчивые подростки неоднократно ловко обводят вокруг пальца полицейских и провокаторов, выручают друг друга и успешно справляются с самыми сложными поручениями большевиков. Неземное знание автором жизни дореволюционных подростков (он детально описывает библиотеку одной из девочек, гимназические нравы и нравы «улицы», мальчишеские уличные игры и т. п.) помогает ему уравновесить «революционную» составляющую фабулы, снижая тем самым прямолинейную пропагандистскую направленность повести: неуклонное движение подростков в революцию время от времени замедляется то их желанием кататься с новыми подружками на коньках, то локальным скандалом из-за подделанной подписи в дневнике. Заметим, кстати, что включенные в текст элементы школьной повести (описание быта и нравов женской гимназии, а также история с дневником), судя по сохранившимся пометам (и вырванным страницам) в библиотечных экземплярах повести, пользовались особой благосклонностью читателей.

«Заказчики» подростковой литературы понимали, что воспитание предполагает фиксацию в сознании молодого читателя и многократную трансляцию базовых ценностей и знаний, но делать это надо так, чтобы они были понятны аудитории, обучали, развлекают. Художественная литература прекрасно подходит для подобных целей, но только та, что соответствует уровню читательской компетенции подростка, поэтому лучше создавать ее по проверенным образцам. «Жанровая» литература, которая в силу самой своей природы имеет дело с хорошо проверенными «моделями», очень удобна для усвоения. В подростковой литературе фабула обычно основана на истории нелегкого (из-за незнания правил этой жизни, страха перед неизвестностью, невозможности быстро приспособиться к новому уровню ответственности) вхождения молодого человека во взрослую жизнь. История вовлечения молодого человека в революционную деятельность при таком повороте оказывается еще одним сценарием становления подростка, которому — в долгосрочной перспективе, хорошо понятной советскому подростку, — удастся выйти победителем из схватки с жизнью.

Приключенческая основа предоставляет широкие возможности для комментирования, которое содержит идеологический «экстракт» подростковой книги. Политические комментарии в «Подростках», во-первых, связаны с ситуацией вовлечения мужской части «ватажки» в деятельность организации, когда молодые рабочие-большевики объясняют мальчикам азы классового устройства общества. Во-вторых, старый золотоискатель Федосеич рассказывает мальчикам легенду об атамане-мстителе Рыжко-Золотом, который схоронил в Азов-гору награбленное у приказчиков и бар. Федосеич объясняет причины недовольства рабочих своей жизнью на наглядном полуполюгендарном-полуисторическом примере: «Жизнь... сроду горька. Сейчас несладко, а в те поры и вовсе житья не было. Народ беда, как маялся, а хозяева на маете это богатство себе добывали» [Ицын 1937, с. 13]. Федосеич объясняет «несмышленишам», что такое сходка, задает подросткам параметры самоидентификации (атаман Золотой становится кумиром Вальки), дает им первый урок классово сориентированной истории³.

Условности приключенческой повести (подростков без особой необходимости отправляют на смертельно опасные задания, они сами изготавливают листовки, ночью проникают в здание гимназии и т. п.) приобретают правдоподобие за счет уже знакомого чита-

телю описания дореволюционной жизни и общего соответствия рассказанной истории той информации о революционном движении, что он получает из других источников. Таким образом, приключенческая историко-революционная повесть (при всех индивидуальных отклонениях от формулы) активно участвует в воспроизводстве общественных стереотипов, связанных с историей революционного движения.

Советским молодым людям постоянно объясняли, почему победа революции была неизбежной и, одновременно, как трудно эта победа доставалась. Люди, прошедшие полномасштабную социализацию в советское время, иногда шутят, что их старательно учили организовывать революции. Листовки в шляпных коробках и газеты в чемоданах с двойным дном, маевки в пригородных рощах, формы вербовки новых участников подполья и перехода от экономических требований к политическим, важность захвата банков, мостов и телеграфов — этим знанием с ними щедро делились с детства.

Книги о революции были своего рода курсом молодого бойца, который, тем не менее, практически не был востребован. Одной из причин, возможно, была «упаковка» знания об организации революции в жанр историко-революционной повести, придававшая включенному в нее материалу характер увлекательного приключения, не менее дистанцированного от повседневности советского подростка, чем схватки мушкетеров и гвардейцев, индейцев и колонистов или первобытного человека и природы в борьбе за огонь.

Примечания

¹ См. об этом, например: [Васильева 1998]. О специфике исторического романа более подробно см.: [Бахтин 1986, с.121–190; Малкина 2002; Петров 1986].

² О Борисе Семеновиче Ищине известно немного. Родился в 1905 г. в селе Бейтоново Сковородинского района Амурской области в семье румынского подданного. Учился в Благовещенской гимназии. Переехал в Челябинск из Сибири, работал на заводе им. С. Орджоникидзе, сотрудничал как журналист с челябинскими газетами. С 1937 г. был редактором детской литературы в Челябингизе, с 1939 г. — уполномоченным Союза советских писателей по Челябинской области, перед войной назначен ответственным секретарем железнодорожной газеты «Призыв». В 1943 г. был арестован и осужден по 58 статье, все рукописи были изъяты. В 1946 г. оправдан «за недоказанность состава преступления», но не освобожден. Еще два года отработал при лагерном управлении. В 1948 г. был откомандирован на Север, работал в газетах Салехарда и Игарки, позже переехал в Ярославль. Умер в 1968 г. [Капитонова 2001; Капитонова 2007].

³ О скрытой полемике Б. Ищина и П. Бажова в связи с интерпретацией образа сказителя см.: [Литовская, Прохорова 2017].

Источники

Бажов П. П. Зеленая кобылка // Бажов П. П. Сочинения: В 3 тт. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1952.

Ицын Б. Новый отряд // Челябинский рабочий. 1939. 23 февраля.

Ицын Б. Подростки. Челябинск: Челябингиз, 1937.

Ицын Б. Совершеннолетние: отрывок из повести // Стихи и проза: лит. альм. Челябинск, 1938. Кн. 4. С. 127–154.

Ицын Б. Совершеннолетние: отрывок из повести // Стихи и проза: лит. альм. Челябинск, 1939. Кн. 5. С. 54–104.

Создадим художественную историческую литературу // Литерат. газета. 1937. 10 сентября.

Исследования

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121–190.

Васильева О. В. Исторический роман: традиция и жанр // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1998. Сер. 2. Вып. 4. № 23. С. 24–32.

Капитонова Н. А. Зарождение детской литературы на Южном Урале // Исторические чтения. Вып. 10. 2007. С. 154–158.

Капитонова Н. А. Ицын Борис Семенович // Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 345.

Литовская М. А., Прохорова М. Поиск вариантов описания дореволюционного детства в детской литературе Урала 1930-х годов: «Подростки» Б. С. Ицына и «Зеленая кобылка» П. П. Бажова // Дергачевские чтения-2016. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017 (в печати).

Малкина В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра. Тверь, 2002.

Маршак С. Я. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный Съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. Репринтное издание 1934 года. М.: Советский писатель, 1990. С. 20–38.

Оскоцкий В. Роман и история. М.: Художественная литература, 1980.

Петров С. Русский советский исторический роман. М.: Современник, 1980.

Рахтанов И. «Подростки» (письмо автору) // Детская литература. 1938. № 14. С. 18–21.

Слепнев Н. Об овладении мастерством или несколько дружеских советов тов. Ицыну // Детская литература. 1938. № 14. С. 21–24.

Удонова З. Основные этапы развития советского исторического романа. М.: Б.и., 1961.